

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

М. М. Соколов

Несколько замечаний о девальвации учёных степеней: экономико-социологический анализ динамики символов академического статуса

СОКОЛОВ Михаил Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории социологии образования и науки филиала ГУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, доцент факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (Россия).

Email: sokolovmikhail@yandex.ru

Эта статья преследует две цели. Во-первых, в ней предлагается категориальный аппарат, который позволил бы, сохраняя единство терминологии, суммировать множество обыденных соображений, относящихся к причинам девальвации символов академического статуса и средствам противостояния ей. Во-вторых, на примере этой частной проблемы исследуются некоторые возможные направления конвергенции трёх разрозненных направлений в экономике и социологии: а) рефлексивной прагматики социального символизма, представленной Гоффманом и Гарфинкелем [Goffman 1951; Goffman, 1959; Goffman 1969; Garfinkel 1967]; б) исследований «социальных дилемм» [Axelrod 1984; Ostrom 1990; Ostrom 1997]; в) информационной экономики, в особенности работ Спенса [Spence 1976; Spence 1973; Spence 2002; см. также: Akerlof 1970; Stiglitz 2000; Riley 2001].

Ключевые слова: девальвация академических степеней; статусно-символическая система; система сигнализации; академический статус.

Равновесие в статусно-символических системах

Широкое интеллектуальное движение, представленное в разных своих ипостасях символическим интеракционизмом беккеровского образца, Гоффманом и этнометодологией, научило социологов рассматривать любой выход за пределы непосредственного знания как социальное достижение. То, что мы обнаруживаем вокруг себя упорядоченный, понятный и предсказуемый социальный мир, возможно, поскольку населяющие его индивиды участвуют в постоянной работе по поддержанию его законообразности и прозрачности. Социальная система состоит из поступков; а сами эти поступки совершаются с неусыпной заботой о том, чтобы система не утратила своей парсонсианской гармонии. Даже откровенно враждебные действия (такие, как угрозы и обман) возможны лишь там, где между взаимодействующими сторонами сохраняется общность ориентаций (чего стоит угроза, сделанная на языке, которого жертва не понимает?) и сохранение этой общности является центральным императивом социального взаимодействия. В данной статье рассматривается один специфический вид ясности, тот, который более всего интересовал Гоффмана, — возможность на основании немногих легко наблюдаемых признаков делать заключения

о ненаблюдаемых, но существенных для взаимодействия атрибутах индивида. Такого рода дедукцией любил ошеломлять своих собеседников Шерлок Холмс.

«Как только индивид оказывается в присутствии других, те стремятся собрать о нём как можно больше разнообразной информации или использовать ту информацию, которой они уже обладают» [Goffman 1959: 1]. Каждый из нас заинтересован в существовании надёжных систем экстраполяции, позволяющих на основании видимых признаков легко заключить, кто перед нами, какого обращения он заслуживает и на какое обращение мы можем рассчитывать с его стороны. Однако не всякий из нас в каждом конкретном случае заинтересован в том, чтобы соответствующая информация о нём была получена и использована таким образом.

Возьмём существующий в большинстве обществ код, позволяющий потенциальным брачным партнёрам ставить друг друга в известность о своих чувствах¹. Чувства невидимы, но существуют видимые признаки, по которым принято судить об их наличии и силе. Эта система сигнализации может быть использована как с честными, так и с нечестными намерениями, как влюблённым, так и соблазнителем. Задача получателя ухаживаний состоит в том, чтобы выяснить, с кем он столкнулся. Для пары «влюблённый — предмет влюблённости» мы имеем дело с классической шеллинговской игрой координации; для пары «соблазнитель — объект соблазнения» — с такой же классической антагонистической игрой [Schelling 1961]. Каждое взаимодействие такого рода, однако, создает мощные экстерналии. Любая попытка использовать код с нечестными намерениями является проверкой разных его элементов на прочность, любая успешная попытка такого рода служит усилению подозрительности потенциальных жертв в отношении продемонстрировавшего свою ненадёжность элемента и затрудняет его использование как влюблёнными, так и соблазнителями². Гоффман неоднократно каталогизировал источники надёжности [Goffman 1951; Goffman 1969], которые делают тот или иной символ более или менее эффективным тестом какого-либо статуса. Огрубляя его изящные построения, можно выделить три группы этих источников:

- *нормативные*, к которым относится действие запретов на то, чтобы выдавать себя за того, кем не являешься;
- *экономические*: недобросовестное использование некоторых символов более затратно, чем добросовестное, — либо в силу особенностей процедуры приобретения символа (*превентивные*), либо в силу возможного наказания (*пунативные*). Знаки внимания, ставящие ухаживающего на грань банкротства, обычно считаются более убедительными, чем те, что укладываются в бюджет, отводимый на отдых и развлечения, а дезинформация, сданная вместе с каким-то количеством истинных и ценных сведений, — более убедительной для вражеской контрразведки, чем та, которая ничем подобным не сопровождается.

¹ Поразительным образом существующий даже там, где чувства потенциальных супругов имеют очень мало отношения к заключению брака.

² Вот подходящая история из «Панчатантры» — санскритского текста, служившего на протяжении многих поколений для индийского придворного общества чем-то средним между «Юности честным зеркалом» и «Декамероном»: одна царица решила позаботиться о том, чтобы её предназначенный править сын избежал сетей куртизанок, и пригласила отошедшую от дел даму полусвета дать ему наставления обо во всех хитростях её бывшего ремесла. Войдя в возраст, царевич вскоре столкнулся с прекрасной обольстительницей, но был готов ко всем её уловкам. Но вот однажды, провожая его в поход, она в порыве отчаяния бросилась в колодец, откуда была извлечена слугами едва живой. Тогда царевич дрогнул перед силой её чувства. Более подозрительная царица обратилась к его прежней наставнице, и та ответила: «Ах да, я научила принца всем хитростям куртизанок, а об этой-то и забыла! В колодце была заранее натянута сеть, и падение в него никакой опасности для жизни не представляло...» Читатель может сам найти продолжение этой занимательной истории.

- *органические*: некоторые символы считаются находящимися за пределами возможности для манипуляции, в терминологии Гоффмана — не столько *сообщающими* о статусе, сколько *выдающими* его (*express vs. exude*)³. Рост, отпечатки пальцев и рисунок сетчатки неподконтрольны даже самому коварному и технологически оснащённому преступнику, поэтому при идентификации им отдаётся предпочтение перед цветом волос, паспортом или, тем более, собственными словами задержанного. Возвращаясь к романтическому примеру, в западных обществах спонтанность проявления расценивается как признак истинного чувства — первый, кто бросит плащ в лужу перед дамой, может рассчитывать на гораздо большее впечатление, чем второй, для которого сила произведённого эффекта будет соизмерима со стоимостью чистки плаща.

Гоффмана более всего занимала граница между органическими ограничениями и прочими их типами и тем, как человеческая изобретательность превращает символы, предположительно безо всякого сознательного вмешательства отражающие истинное положение вещей, в условные знаки, которыми каждый распоряжается по собственному усмотрению и которые не сигнализируют ни о чём, кроме намерения о чём-то сигнализировать. Это превращение является частным случаем динамики символа и часто описывается словом *девальвация* — трансформация в указание на какие-то менее существенные свойства или на те же свойства, но присущие в меньшем объёме и менее надёжные, чем те, которые он нёс в себе прежде. В ходе девальвации символ утрачивает былую ценность. Это определение, увы, почти невыносимо расплывчато. Есть разные типы ценности, и потеряв в одной, символ может приобрести в другой; есть разные группы, и изменение, которое делает символ менее притягательным для первой, может тем же самым сделать его более притягательным для другой. В каждом из этих случаев карьеру символа сложно обозначить каким-то одним словом. Тем не менее мы на удивление часто сталкиваемся с примерами, когда может быть вынесен однозначный приговор. Падение цен на товар девальвирует его как символ экономического статуса, и если продукт никогда не означал ничего другого (вкуса, следования нормам потребительской этики и т. д.), то, став дешёвым, он, несомненно, утратил свою знаковую силу. Более существенно следующее: в западных обществах повсеместно распространена вера в то, что наиболее ценные свойства должны обозначаться символами, защитные механизмы которых носят неэкономический характер, — чем-то таким, чего не может получить каждый, приложив фиксированное количество усилий или внося фиксированное количество средств. Нобелевская премия предположительно свидетельствует об экстраординарности таланта получателя и присуждается теми, чья мораль не должна позволить им опуститься до её продажи; любое свидетельство обратного — доказательство того, что в реальности её можно «просто купить», — девальвируют награду, невзирая на величину «заплаченной» за неё суммы. Превращение символа, который считался надёжно защищённым природой или высшими моральными соображениями, в знак, приобретение которого является делом ресурсов и расчёта, почти неизбежно является его девальвацией⁴.

Одновременно с тем как продвигалась работа Гоффмана, развивалась обширная экономическая дискуссия, начатая статьями Акерлофа и Спенса [Akerlof 1970; Spence 1973], в которых рассматривались рыночные сигналы, позволяющие преодолеть информационную асимметрию между покупателем и продавцом. В типичной ситуации продавец знает качество своего товара лучше, чем покупатель, что

³ Спенс, как и остальные информационные экономисты, поразительным образом ни разу не сославшись на Гоффмана (несмотря на то что его диссертация писалась под руководством близкого друга Гоффмана Шеллинга и вскоре после того, как Гоффман провёл саббатический год в Гарварде), использует в сходном смысле пару *indices/signals* [Spence 1973; Spence 2002].

⁴ Поклонники Бурдые не замедлят сказать, что в классовых обществах все символы являются в конечном счете символами классовой принадлежности и в этом смысле защищены только экономически. Ложное сознание большинства из нас, однако, слишком сильно, чтобы этот факт повлиял на логику социальных взаимодействий, рассматриваемых в этой статье.

имеет парадоксальный эффект: поскольку покупатель не верит продавцу, то не соглашается купить у него товар по цене, соответствующей высокому качеству, что, в свою очередь, побуждает продавца изымать лучший товар, производя тем самым отрицательный отбор⁵. В рамках «информационной экономики» исследовались различные типы сигналов, которые позволяли избежать негативных эффектов асимметрии информации. Спенс в своей ранней статье [Spence 1976] выделял два типа таких сигналов: условные контракты (*contingent contracts*) и затратные сигналы (*exogenously costly signals*). Первые основаны на добровольном предоставлении покупателю возможностей для предъявления претензий, делающих продажу низкосортного товара заведомо невыгодной. Сюда же относятся обмен заложниками, приглашение криминальных авторитетов в качестве свидетелей сделки и все прочие виды шеллинговского *commitment* [Raub 2004]. Примером вторых является образование, которое предположительно обходится дешевле в смысле времени и усилий более способным студентам, превращаясь тем самым в символ одарённости. Экономическая дискуссия об асимметричной информации вращалась главным образом вокруг вопроса о том, совместима ли она с рыночным равновесием и Парето-оптимальным распределением ресурсов [Stiglitz 2000; Riley 2001]. С точки зрения темы настоящей статьи самым интересным представляется то, что коррелятом конкурентного рыночного равновесия, при котором ни одна из сторон не может отклониться от данной линии поведения, не сократив своих прибылей, является семантическое равновесие — воспроизводство различающей способности символов⁶. Постоянство отношений символа и обозначаемого им свойства покоится на том, что ни одна другая стратегия поведения в отношении этого символа (в частности девальвация) не может принести участникам ситуации лучшего результата.

Структура сигнальной ситуации

Рассмотренная в экономической литературе ситуация равновесия в символических системах является интересным, но частным случаем, который возможен лишь при выполнении ряда экзотических с точки зрения более широкого контекста социального сигнализирования условий. Рассмотрим эти условия с тем, чтобы затем проанализировать возможные вариации в них и следствия, которые эти вариации имеют для возникающих символических систем.

В сигнальной ситуации присутствуют три основные действующие лица: *символизанд* — тот, о чьих атрибутах сигнализируется; *эмитент* — тот, кто непосредственно испускает символ; *реципиент* — тот, кто является получателем символа. Эти три роли могут быть распределены среди участников ситуации в любой комбинации. Символизанд может быть одновременно эмитентом (как в случае с выражением лица, которое сигнализирует о субъективных состояниях того, чьи мускулы осуществляют это выражение); эмитент — реципиентом (как в случае с оператором детектора лжи, одновременно извлекающим сигнал и считывающим его). Символизанд и реципиент могут быть одним лицом, а эмитент — другим (когда, в соответствии с учением Кули, мы читаем истину о себе в глазах других

⁵ См. в статье Акерлофа [Akerlof 1970]: на рынке подержанных автомобилей продавец знает, хорошую машину он пытается продать или плохую, но покупатель благоразумно не верит никаким из идущих от того сообщений (оставляем в стороне маловероятный случай, когда продавец заверяет покупателя в предельно низком качестве своего товара), соглашаясь на цену, основанную на математическом ожидании, но не большую, а это делает для продавца невыгодным продажу хороших машин и является причиной того, что на рынке остаются только плохие.

⁶ Общее теоретическое обоснование этой позиции читатель может найти в фатально недооценённой социологами работе Мэри Дуглас [Douglas 1986]. Интересно, что Спенс использует понятие информационного равновесия, однако практически не исследует вытекающие из него интересные коннотации [Spence 1976]. Складывается впечатление, что возможность внести поправки в понятие рыночной оптимальности — центральное для современной экономики — заслонило для экономистов все другие интересные применения этой идеи.

людей). Наконец, все трое могут быть одним и тем же субъектом (когда индивид подвергает самого себя испытаниям, чтобы определить, обладает ли он «характером») [Goffman 1967]⁷.

В ситуации сигнализирования на рынке труда, анализируемого в экономической литературе, отношения между этими тремя ролями по умолчанию описываются следующими параметрами:

- всем трём ролям соответствуют автономные максимизирующие субъекты, которые постоянно играют одну и только одну роль;
- оценка скрытых свойств символизанда может быть осуществлена (и в итоге осуществляется) реципиентом на основании критериев более надёжных, чем сигнал. Сигнал, таким образом, лишь позволяет экономить время и затраты на самостоятельное проведение тестирования, и реципиент может однозначно определить, окупается ли это доверие;
- обмен информацией между реципиентами происходит мгновенно;
- анализируемое взаимодействие протекает на основании довольно долгого времени и проецируется на достаточно долгое будущее, чтобы: а) ответный сигнал, фиксирующий реакцию реципиента на исходный сигнал, достиг потенциальных символизандов (работодатель должен однозначно дать понять соискателям, каковы шансы на рынке труда, связанные с каждым видом диплома); б) не допустить коренных изменений ситуации, когда эта реакция могла бы измениться; в) рациональным ожиданием на основании этой экстраполяции в отношении эмиттера было то, что он не будет изменять качество сигнала;
- сигнал обладает рядом свойств: *эксклюзивность* (только один эмитент обладает правом испускать сигнал данного типа); *рефлексивность* (ни один эмитент не может скрыть своей роли в присвоении символа кому либо, и карьера символа неизбежно сказывается на его собственной карьере); *конкурентность* (для любого сигнала существует потенциальная замена или в виде сигналов того же типа, исходящих от другого эмитента, или в виде другого типа сигналов — скажем, разочаровавшись в образовательных сертификатах как в средстве предсказания производительности, фирмы могут ввести развёрнутую систему стажировок и испытательных сроков).

Эти условия не кажутся заведомо нереалистичным по отношению к некоторым секторам рынка труда. Их действие позволяет избежать какого-то количества обычных осложнений, характеризующих другие типы социального символизма. Два из них имеют прямое отношение к академическому миру, о котором пойдёт речь ниже.

Во-первых, если реципиенты могут самостоятельно оценивать валидность символа, то эмитенты лишаются большей части экономических (в конвенциональном понимании) стимулов к тому, чтобы девальвировать его в ответ на вознаграждение со стороны символизандов. Такая линия поведения приведет к быстрому разоблачению и последующему падению спроса на их услуги. В идеальных условиях, если университет начнёт продавать свои дипломы любому, кто согласится за них заплатить, то желающие купить их хоть за сколько-то вскоре иссякнут, так как фирмы однозначно сигнализируют об изменении своего понимания их стоимости (мы увидим далее, каковы ограничения, делающие эти идеальные условия недостижимыми).

Во-вторых, по умолчанию предполагается: символы эксклюзивны и конкурентны, что устраняет экстерналии, связанные с действиями эмитента. Каждый может девальвировать только те символы,

⁷ Существует и еще одна роль — *трансмиссер*. Он передаёт информацию, и эта роль совершенно нетривиальна даже в тех случаях, когда у неё тот же исполнитель, что и у трёх других. Примеры можно найти в любой книге по психоанализу.

которые контролирует. За незначительным исключением действующие в нашем обществе символы имеют более чем одного эмитента⁸. Вернёмся ненадолго к нашему соблазнителю. Как и все остальные члены общества, он не заинтересован в полной девальвации символов обожания — и потому, что это осложняет его игру в качестве соблазнителя, и потому, что он рискует однажды оказаться влюблённым⁹. И здесь мы вступаем в область классических социальных дилемм, в которых максимизирующая личную полезность стратегия оказывается линией поведения, приводящей к худшим коллективным результатам. Каждый соблазнитель заинтересован как в том, чтобы девальвирован был минимум символов, так и в том, чтобы последний подвергшийся девальвации символ был обесценен именно им. При наличии в популяции ухаживающих нескольких соблазнителей (или хотя бы при подозрении об этом) мы оказываемся перед типичной дилеммой узников, когда спираль девальвации ограничивается только экономическими соображениями¹⁰. Дилемма сохраняется и при более мягкой постановке проблемы. Сознательный соблазнитель может добровольно воздержаться от использования какого-то особенно низменного способа симуляции чувств и намерений, но его готовность к этому сократится, если не появится гарантий, что и все остальные соблазнители объявят аналогичный мораторий (Коллок описывает эту разновидность как дилемму гарантий — *assurance dilemma* [Kollock 1998]). Так и так символ будет непременно (в первом случае) или с большой вероятностью (во втором) девальвирован.

И теперь мы подходим к ряду хорошо знакомых проблем академического мира.

Системы академического статуса

Многие исследователи указывали на удивительный архаизм академического рынка труда: за исключением некоторых профессий ни одна разновидность экономической организации не сохранила такого явного отпечатка своего средневекового прошлого. Учёные, в целом, образуют классическую веберовскую статусную группу, отличающуюся от других стилем жизни (во всяком случае, до 1980-х годов у костюмеров юмористического кино не было никаких сложностей с тем, чтобы с помощью одного гардероба превратить актёра в Типичного учёного) и занимающую зарезервированную за ними нишу на рынке труда (за некоторыми чётко оговоренными исключениями только учёные могут преподавать или занимать исследовательские позиции в университете). Академический рынок представляет собой серию аналогичных ниш меньшего масштаба, в которых любой позиции соответствует набор формальных квалификаций (только Ph. D. или доктор наук могут претендовать на звание профессора; только профильный факультет может вести приём и выдавать дипломы по такой-то специальности и т. д.). Это соответствие может устанавливаться законодательно, как в России или Франции, или

⁸ Строго говоря, вместо одного понятия *эмитент* было бы желательно введение трёх терминов — для людей, изобретающих сигнал; людей, поддерживающих систему его производства в порядке; людей, приводящих эту систему в действие. Это могут быть как одни и те же, так и разные люди. Современные индексы цитирования, например, были созданы Юджином Гарфилдом и его коллегами, поддерживаются компаниями Thompson Scientific и Scopus и приводятся в действие бесчисленными авторами научных публикаций.

⁹ И тем более, если он принадлежит к группе, в которой один и тот же индивид может стать и объектом, и субъектом ухаживания.

¹⁰ Это означает, что не ухаживание было бы невозможным, но лишь то, что весомыми доказательствами серьёзности намерений считались бы только затраты, превосходящие те, которые, с точки зрения объекта, можно потратить на случайную интрижку. В такой ситуации цена, которую платит каждый соблазнитель, существенно превосходит ту, которую он платил бы, будь единственным представителем своего вида, — не говоря уже о цене, которую приходится платить честным влюблённым. Более того, структура недоверия несёт в себе издержки для обеих сторон: даже если «миллион алых роз» эффектно послужат соединению влюблённых, после того, как оно состоится, у них будет много поводов пожалеть о необходимости принести и дом, и холсты на алтарь сигнализации.

опираться на обычай и соображения конкуренции, как в США¹¹, но и в том и в другом случае обнаружится однозначный изоморфизм системы статусных символов и экономических шансов.

За этим изоморфизмом стоит одна из самых важных черт академического статусного символизма. Реципиенты символов академического ранга делятся на парные классы, за одним из которых признаётся право на то, чтобы оценивать их валидность (*peers*), а другие (*laymen*) бесповоротно такого права лишаются. Академическая автономия подразумевает, что только учёные могут судить, обладают ли их коллеги талантом, компетентны ли они и каков был внесённый ими в науку вклад. Принципал (финансирующая науку институция) полностью делегирует суждение агенту (какой-то части сообщества учёных), в обычной обстановке лишаясь каких-либо инструментов мониторинга его работы. Моральная опасность (*moral hazard*), возникающая здесь, представляет собой интересную проблему. Что на самом деле может помешать агенту, оказавшемуся в такой ситуации, принимать решения, ориентируясь только на личные интересы, причём не на самые возвышенные из них? Если администрации университетов, частные фонды и государственные ведомства, отвечающие за науку, являются совершенно пассивными реципиентами сигналов, то почему бы эмитентам не начать продавать символизандам рентабельные символы? Обман, который имеет очень мало шансов раскрыться, так как разоблачить могут лишь сами участники сделки.

Только экономическое объяснение сознательного поведения эмитентов в таких ситуациях указывает на специфические условия трудовых контрактов. Джон Голдторп (John Goldthorpe), следуя за Оливером Уильямсоном (Oliver Williamson), говорит, что в профессиях, где мониторинг сложен или невозможен, преобладают длительные, даже пожизненные, контракты, заставляющие агента полностью отождествлять свои интересы с интересами принципала [Goldthorpe 2000]¹². Мы могли бы предположить, что, нанимая эмитентов на постоянные позиции, реципиент обеспечивает идентификацию последними своих интересов с его собственными. Эта логика кажется вполне применимой к ситуации университетов и крупных корпораций. Однако вытекающие из неё следствия оказываются просто неверными. Будь это так, символы были бы, тем менее, подвержены девальвации, чем ниже мобильность эмитентов между реципиентами, на которых им приходится работать, — скажем, учёных между университетами. Фактически, академические системы с высокой мобильностью между различными организациями (в том числе между факультетами, редакционными коллегиями, функционирующими как эмитенты) вовсе не являются структурами, в которых символы академического статуса подвержены большей девальвации по сравнению с менее мобильными системами. Удивительная стабильность репутаций степеней ведущих американских университетов или изданий по сравнению с постоянными бифуркациями, сотрясающими аналогичные репутации в России, где мобильность на порядок ниже,

¹¹ Системы степеней различаются по тому, является ли сам факт их присвоения пропуском на рынок труда или лишь условием получения такового. Степени доктора (в Болонье и других итальянских и германских университетах) и мастера (в Париже и других французских университетах) возникли как символ полноправного членства в цехе преподавателей, дававшими *ius ubique docendi* — право учить богословие и праву в любой части католического мира [Spurr 1970]. Статус бакалавра возник несколько позднее как калька со статуса подмастерья и давал право ассистировать доктору. Прямым продолжением этой системы являются выпускные экзамены в тех образовательных системах, где они дают право на продолжение обучения (как лицензиат во Франции или, по замыслу его создателей, ЕГЭ) или защиты, позволяющей начать преподавать (как *Habilitation* в Германии). В англосаксонской системе степени потеряли эту функцию — они не равносильны автоматическому переводу на следующий уровень, поэтому во многих профессиях претендент должен выдержать дополнительные экзамены перед началом практики (медицина, право, архитектура). Это не повлияло на изоморфизм итоговой системы, как можно убедиться, пролистав «Employment Bulletin» Американской социологической ассоциации (The American Sociological Association, ASA) на сайте <http://www2.asanet.org/pubs/eb/>, дающий представление об однозначности отношений между статусом, заработной платой и условиями труда.

¹² Применительно к пожизненному академическому найму (*tenure*) распространённое объяснение утверждает, что он гарантирует объективность при отборе новых сотрудников [Даймонд 2007 (1993)]. Действительно, вероятность беспристрастной оценки чужих достоинств возрастает, если это не достоинства прямых конкурентов.

может служить хорошо знакомым примером. Равновесие в системах символов академического статуса, по всей видимости, возникает на совершенно иных основаниях.

Рассмотрение этих способов требует от нас пристальнее взглянуть на типы символов академического статуса. На самом общем уровне они могут быть разделены на символы *гражданства* и *ранга*. Первые обозначают принадлежность к одной из дисциплин или субдисциплин, а вторые — оценку достижений в ней. Практически, многие символы представляют собой комбинацию из двух частей. Например, «кандидат социологических наук», где «кандидат» соответствует рангу, а «социологических» — гражданству¹³. Далее, символы могут быть расположены где-то в континууме между *локальными* и *универсальными*, где первым соответствует признание в самой малой из мыслимых зон академического сообщества, а вторым — репутация, достигающая самых отдалённых областей социальной структуры. Наиболее известным примером универсальных символов служат учёные степени или аффилиации с престижными университетами. Ближе к противоположному полюсу находятся рекомендации, поступившие от крупного специалиста в данной субдисциплинарной области, или (ещё ближе) одобрительное упоминание чьей-то работы, сделанное им же в кругу доверенных учеников. С точки зрения любой группы учёных, всё остальное человечество располагается в одном из расходящихся вокруг этой группы концентрических кругов, где понимание людьми циркулирующих статусных сигналов уменьшается.

Сеть статусных символов и её свойства

Большинство символов бинарны и делят всю популяцию учёных на две группы — тех, кто ими располагает, и тех, кто не располагает¹⁴. Центральной характеристикой академического сообщества, увиденного в этом ракурсе, оказываются свойства сети символов, объединяющих часть его членов и отделяющих их от других. Все возникающие конфигурации представляют собой вариации на две основные темы: *включения* и *пересечения* или их отсутствие. Некоторые символы достаются тем и только тем, кто обладает другими, как правило, стоящими ниже рангом (высшая и низшая степени, публикации в лучших и худших журналах, цитируемые публикации и профессорские позиции в топовых университетах). Другие частично пересекаются, представляя собой альтернативные аффилиации или публичные площадки для индивидов, принадлежащих к одному и тому же рангу. *Плотность* сети символов, измеренная как количество подобных пересечений, представляет собой первую характеристику статусно-символической системы, несущую в себе очевидный стабилизирующий потенциал¹⁵.

Действительно, ценность каждого отдельного символа устанавливается по его пересечениям с другими символами, то есть по наличию и количеству индивидов, которые обладают ими всеми. В свою очередь,

¹³ Символы гражданства по умолчанию обозначают некий ранг, хотя бы минимальный, а ранг часто предполагает некие вариации в правах гражданства. Например, любопытна норма, предполагающая, что кандидат наук может руководить диссертацией только в своей узкой области, а доктор — в любой.

¹⁴ Исключение составляют степени в трёхступенчатой системе, соответствующие ранговой шкале, и показатели цитирования, являющиеся уникальным примером шкалы интервальной.

¹⁵ В структурной теории, начиная с работ Блау [Blau 1977], есть множество формальных признаков, по которым такая плотность может измеряться. Простейший признак будет представлять отношение количества пересечений между символами к их числу, где пересечением будет наличие хотя бы одного индивида, который обладает двумя символами сразу.

индивид оценивается по тому набору символов, которым он обладает¹⁶. Имея возможность выбирать между двумя равно доступными ему символами, индивид выберет тот, что имеет пересечения с символами более высокого статуса, то есть тот, которым обладают другие индивиды, наделённые лучшим символическим набором. Имея возможность выбирать между журналом, в котором публикуются звёзды, и журналом, в котором они не публикуются, амбициозный молодой учёный имеет веские основания предпочесть первый, поскольку в нём его имя окажется в куда лучшем ряду. Частичная девальвация одного символа, переданного в пользование обладателям символов более низкого ранга, повлечёт массовый отказ от него в пользу других, сохранивших свою чистоту, и лишь рябь на поверхности статусной системы напомнит о тех, кто пошёл ко дну. Можно показать, что эта логика предсказывает возникновение предельно стратифицированных систем, в которых находящиеся на каждом уровне индивиды заботятся о том, чтобы ценность обладаемых ими символов отделяла их от нижестоящих, а аналогичная забота вышестоящих ограничивает горизонт их возможностей сверху [Соколов 2008]. Отсюда следует ряд гипотез.

Гипотеза 1. *Чем выше плотность статусно-символической системы, тем ниже средняя дисперсия по статусному измерению символического набора, которым обладает каждый индивид, и тем сильнее тенденция к тому, чтобы в одних руках были сосредоточены символы, соответствующие примерно одному и тому же рангу.*

Там, где существует достаточно плотная сеть сигналов, соображения выгоды, связанные с неразборчивым использованием символа эмитентом, оказываются существенными лишь в самой краткосрочной перспективе. Начав продавать дипломы или распределять места на страницах журнала среди влиятельных членов сообщества, эмитент добьётся лишь того, что при следующей ротации диплом будет стоить дешевле, а влиятельность желающих опубликоваться в журнале убавится и при этом число таковых не возрастет. Плотность сети символов обеспечивает их конкурентность, которая гарантирует сохранение равновесия.

Гипотеза 2. *Чем выше плотность статусно-символической системы, тем ниже средняя вертикальная мобильность (как девальвационная, так и ревальвационная) отдельного символа в ней¹⁷.*

Исторические обстоятельства, стоящие за большей или меньшей плотностью сети символов в данном сообществе, слишком сложны и многообразны, чтобы их можно было рассмотреть здесь все. Одно из этих обстоятельств, тем не менее, немедленно приходит на ум. Плотность является функцией не только от числа символов, но и от их географической локализации. Многие символы — и большинство из рассматриваемых в этом тексте — привязаны к тому месту, в котором физически присутствуют эмитент и символизанд. Присваивающий степень совет, собрание профессиональной ассоциации, принимающее новых членов, или оргкомитет конференции находятся в каком-то определённом месте, и претендент

¹⁶ Это очевидное упрощение, поскольку при определении ранга имеет значение не только сам набор символов, но и его хронологическое упорядочение (список публикаций из трёх статей во внутрифакультетском журнале для того, кто получил первую степень год назад, может быть впечатляющим достижением, но для того, чей академический возраст уже двадцать лет, — это смертный приговор), и частота появления элементов (одна статья в ведущем журнале — совсем не то же, что десять или даже две). Мне придётся пренебречь всеми возникающими в таких случаях усложнениями в целях экономии места.

¹⁷ Есть два очевидных и неустраняемых источника возмущения в этой системе: восходящая мобильность младших поколений и эффекты, которые описываются понятием «мода». Здесь мода подробно не рассматривается, поскольку кажется, что подверженные ей символы имеют одно общее свойство, известное со времён Зиммеля: основным источником, на котором строятся их способности к дискриминации, оказывается скорость распространения информации от высших к низшим [Зиммель 1996 (1923)]. Символы академического статуса, как правило, опираются на что-то более основательное. Возможно, это связано с тем, что информация в академическом мире расходуется слишком быстро, поэтому в данном случае символы не подвержены тем же стремительным сменам, которые свойственны, например, словарям романтических жестов.

на распределяемые ими символы, чтобы стать их актуальным владельцем, чаще всего должен оказаться там же. Возможности для мобильности между подобными центрами для разных академических систем далеко не равны, и те из них, в которых перемещения более распространены, имеют в среднем более плотные сети символов, чем те, в которых перемещения менее распространены, — даже если абсолютное количество символов одинаково. Перемещаясь, индивиды создают пересечения.

Гипотеза 3. *Чем выше географическая мобильность, тем плотнее сеть символов, и, соответственно, тем сильнее эффекты, оговоренные гипотезами 1 и 2.*

Если это предположение верно, то, например, опасность девальвации академических символов существенно выше для более бедных и географически протяжённых обществ, где пространственная концентрация академических центров и мобильность персонала между ними ниже. Перспективы решения данной проблемы для России в свете всех этих рассуждений выглядят особенно невесело¹⁸.

Рефлексивность и эксклюзивность

Другим средством поддержания равновесия являются рефлексивность и эксклюзивность статусных символов. Рефлексивность, которую можно было бы также назвать зеркальностью, обозначает свойство символа характеризовать не только того, кому он присвоен, но и того, кто его присваивает. Акт эмиссии представляет собой операцию обмена, при котором символ и символизанд признаются достойными друг друга: человек — украшающим символ в той же мере, что и символ — украшением человека [Podolny 1993; Podolny 2005]. Свойства символа и его карьера, однако, в равной степени характеризуют и того, кто распоряжается им. Если в поддержании равновесия экономических сигналов роли реципиента, эмитента и символизанда исполняли разные индивиды, как правило, не менявшиеся местами, то в академическом мире эту работу выполняет группа людей, постоянно переходящих из одной роли в другую. Цитирование в академической периодике может служить характерным примером. Цитирующий выполняет роль эмитента, сертифицирующего важность вклада цитируемого автора, оказывающегося в этот момент символизандом. Основные индексы учитывают только академическую периодику, то есть считаются лишь голоса тех, кто сам прошёл проверку со стороны эмитентов иного рода — редакционных коллегий научных журналов. Цитируемым, однако, оказывается не только автор, но и сам журнал, который во всяком акте цитирования выступает вторым символизандом, и, отбирая статьи, редакция имеет веские причины для того, чтобы рассматривать распределение места на своих страницах как инвестиции в собственный статус (быть редактором хорошего журнала — большая честь, плохого — сомнительная)¹⁹. Ссылки играют и ещё одну роль — они свидетельствуют о компетентности цитирующего автора, ибо что, в конце концов, практически отличает социолога от не-социолога, кроме правильного цитирования? В этом смысле эмитент оказывается одновременно и символизандом, обращающимся к реципиенту/эмитенту в лице редакции... и т. д.

Цитирование представляет собой предельный пример абсолютно рефлексивного символа — под (или скорее над) каждым случаем присвоения его кому-то в буквальном смысле стоит подпись

¹⁸ Разного рода символы подвержены воздействию пространства в разной степени, и, возможно, исключительный статус журналов в академическом мире связан как раз с тем, что взаимодействие автора и редакции не требует физического со-присутствия. Тем не менее разве каждый из нас не предпочитает публиковаться у знакомых редакторов, и, если ему случилось попробовать себя в противоположной роли, разве он не предпочитает публиковать знакомых авторов?

¹⁹ Другим следствием, теоретически, может стать редакционная политика поощрения цитирования своего журнала. Один из коллег автора данной статьи отреагировал следующим образом на рассказ о возможной роли показателей цитирования в РИНЦ в определении официального статуса издания: «Ну да, теперь редакторы перестанут брать статьи, в которых не цитируются их журнал, и придётся читать чёрт знает кого». Мне не известны, впрочем, случаи, когда эти опасения оказались бы оправданными.

присваивающего. Это придает данному символу интуитивно ощущаемую надёжность, которой лишены многие другие. Цитируя, мы делаем ставку на цитируемого, и неудачное впечатление, которое он произвёл, немедленно превращается в неудачное впечатление, которое производим мы²⁰. Единственным символом, который генерирует ту же степень интенсивности связи символизанда с эмитентом, являются личные рекомендации, но круг посвящённых в их содержание, как правило, гораздо уже, хотя неприятности последствий для реципиента, которому они были выданы, и могут побудить того к мстительным публичным действиям²¹. Связи между редакторами и публикуемыми ими статьями уже слабее, поскольку редакторы временами уходят из изданий, и даже самые неудачливые из них могут надеяться со временем избавиться от репутации «человека, в чьих руках “загнулся” Y [крупный социологический журнал]»²². По понятным причинам названная связь еще слабее для членов регулярно обновляемого диссертационного совета, относительно которых никто не может вспомнить, кто из них и на какой защите присутствовал.

Гипотеза 4. *Чем менее рефлексивен символ, тем меньше шансов, что последствия неудачной эмиссии падут на голову эмитента, и тем больше вероятность, что соответствующий символ подвергнется девальвации.*

Масштаб настоящего стихийного бедствия, как и заставляет нас ожидать литература по социальным дилеммам, проблема девальвации принимает, когда символ не только не рефлексивен, но и не эксклюзивен²³. В этом случае несколько действующих несогласованно эмитентов распоряжаются одним и те же символом. Если каждый из них может рассчитывать на особые частные блага в случае оппортунистического использования символа и не имеет возможности осуществлять мониторинг действий других, принцип «лучше я, чем кто-то другой» становится, безусловно, максимизирующей полезность стратегией. Источником этого вознаграждения может стать как символизанд, так и реципиент. Российский академический мир особенно богат примерами институциональных дизайнов, предусматривающих частное вознаграждение агента-эмитента со стороны принципала-реципиента. Всевозможные академические статуты всячески поощряют руководителей защищённых диссертаций (званием профессора, например), РАН высчитывает «показатели результативности» работы аспирантов, выражающиеся в скорейших защитах, а Министерство образования и науки и ВАК угрожают, соответственно, снижением квот приёма и закрытием советов тем, кто проявляет слишком большую разборчивость в достоинствах символизандов.

Гипотеза 5. *Чем выше эксклюзивность символа, тем менее он подвержен девальвации.*

В целом кажется, что все академические системы пошли по одному из двух основных путей институционализации контроля над качеством степеней. Англосаксонская модель основана на

²⁰ Редактор своему коллеге по поводу статьи с массой математических формул: «Ничего в этом не понимаю, но ссылается он на X и прочих неадекватных... Давай его пока отложим, что ли?» (подслушано автором в редакции социологического журнала). Или: «Для порядочного учёного он слишком много не по делу цитирует своих начальников» (подслушано во время фуршета).

²¹ «Я спросила, кого позвать [в качестве докладчика на семинар], и она мне предложила этого фрика» (сказано в свое оправдание организатором мероприятия, оставившего тяжёлое впечатление у публики, всем встреченным в тот день).

²² В некоторых случаях этот эффект действует противоположным образом, чем один из описанных ранее: кадровые перемещения академического персонала уплотняют сеть символов, но сокращают их рефлексивность. Видимо, нет какого-то общего правила, которое определяло бы в таких случаях их относительную силу.

²³ Эксклюзивные символы не обязательно рефлексивны, а рефлексивные — не обязательно эксклюзивны, хотя случаи, когда институционализированная система сигнализации предполагает несогласованность между этими свойствами, в западных обществах встречаются крайне редко. Одним из примеров возникающих ad hoc ситуаций, в которых свойства оказываются разомкнуты, содержится в приведённой выше реплике разочарованного организатора семинара, на голову которого пала ответственность за неудачный совет, данный другим человеком: здесь рефлексивный символ оказался не эксклюзивен.

допущении — даже поощрении — разнообразия, обеспечивающего эксклюзивность символов. В 1960-х годах американские колледжи и университеты выдавали 2400 различных степеней, варьирующихся от бакалавриата по домоводству (B.A. in Home Economics) до доктората по метафизике (Dr. of Metaphysics) [Spurr 1970]. С тех пор силы институционального изоморфизма мало сократили число степеней. Более того, эмитентом каждой конкретной степени выступает отдельный факультет (Ph. D. по социологии Гарвардского университета — это, юридически, не та же степень, которую присваивает Миннесота). Континентальная модель, которой придерживаются в российской академической системе, основана на относительной унификации степеней. Англосаксонская модель направлена на интернализацию экстерналий, континентальная — на облегчение централизованного мониторинга за теми, кому делегирована эмиссия. Каждая из схем контроля имеет свои недостатки, и, по мнению многих деятелей американского образования, схема, используемая в США, наглядно продемонстрировала свои несовершенства еще в 1960-х годах: число степеней стало настолько большим, что внешние реципиенты просто перестали в них ориентироваться. Надежда на полное устранение экстерналий не оправдалась: потребители не научились различать все мыслимые варианты Ph. D., и дипломные мельницы, производящие докторов любых наук никому не известного университета за несколько сотен долларов, благополучно продолжают свою работу. Отблесков света Ph. D. всем известных университетов хватает, чтобы создать спрос на такого рода услуги [Stewart and Spile 1988]. Сила предполагаемого данной гипотезой эффекта может изменяться в зависимости от количества символов соответствующего типа, в целом, видимо, становясь тем слабее, чем их больше.

Логика курирующих групп: разрушая кооперацию

Последняя группа средств стабилизации символов представляют собой парадоксальную инверсию предыдущей. Создание эксклюзивных, рефлексивных и конкурентных символов призвано было снизить выгоды от некооперативного поведения в поддержании того общего блага, которым для академического сообщества является функционирующая статусная система. Рассматриваемые в этом разделе системы сдержек и противовесов, напротив, ориентированы на то, чтобы снизить выгоды от кооперативного поведения. Лингвистическое чутье, нащёптывающее, что содержание, заключённое в словах «коллективное благо» и «кооперативное поведение», предполагает положительные коннотации и позитивный результат совершаемых усилий, обманчиво. Не только сохранение символа неиспорченным, но и его девальвация требуют доверия и сотрудничества.

Рассмотрим чуть подробнее процесс девальвации, в котором эмитент и символизанд — два разных агента. Эмитент обладает правами присваивать символ, символизанд — правами распоряжаться какими-то другими ресурсами, которые он может предоставить для обмена. Высшие цели науки в идеале предполагают, что последнее обстоятельство не должно влиять на действия эмитента. Единственным дозволенным источником личного вознаграждения при эмиссии должны быть рефлексивные свойства символа — то, что новый обладатель добавляет к славе переданного ему знака²⁴. Сделки, в которых задействовано что-то помимо этого, могут быть поделены на два класса: *продажи* и *бартерные обмены*. При продаже символ обменивается на нечто, не являющееся знаком, указывающим на

²⁴ Кажется, именно таков удивительно распространённый в академическом мире взгляд на вещи, хотя он и не совсем универсален, особенно в исторической перспективе: иногда личное вознаграждение эмитента может быть легитимным мотивом если не для присвоения символа академического статуса, то для отказа тому, у кого есть все пререквизиты, кроме средств сделать подобающие подарки. В средневековой Сорбонне защита диссертации сопровождалась дарением нескольких пар дорогих перчаток каждому члену совета, а неспособность обеспечить это подношение могла стать поводом для отмены защиты. Перчатки потом возвращались скорнякам [ЛеГофф 1997 (1957)]. Более современный пример: сочувствующий коллега говорит диссертанту, набравшему беспрецедентно низкое число голосов: «Защита длилась два часа, а Вы забыли их [членов совета] в последнем слове [перед голосованием] пригласить на фуршет, и они думали, что им ещё и ничего не нальют, — чему удивляться!»

аналогичные атрибуты. В западных обществах, разумеется, этим «нечто» чаще всего оказываются деньги. При бартерном обмене, в отличие от продажи, символ разменивается на свой потенциальный субститут — один знак академического признания на другой. Ссылки А на В, которые осуществляются в ответ на прошлые ссылки В на А, приглашение выступить на конференции, поступившее в ответ на положительную рецензию, или публикации аспирантов председателя диссертационного совета в обмен на облегчённые защиты аспирантов редактора журнала относятся к этому классу.

Граница между двумя данными группами, безусловно, размыта (как, например, квалифицировать приглашение выступить на пленарном заседании, которое получает руководитель учреждения, оплатившего расходы на организацию мероприятия?). Однако их противопоставление указывает на важное различие в следствиях. Продажи в чистом виде редко наносят статусно-символической системе действительно глубокий урон. Массовым спросом пользуются лишь те разновидности символов, которые имеют хождение за пределами академического мира, как дипломы и степени, но не публикации и цитирование. Куда больше людей в России может извлечь что-то из звания доктора социологических наук, чем из упоминания своих показателей в РИНЦе. Продажи оставляют большую часть сети нетронутой, и девальвация целого класса символов не разрушает полностью систему координат. Напротив, обмены захватывают всю сеть. Слабое место и продаж, и бартерных обменов (хотя и в значительной меньшей степени) состоит в том, что они основаны на доверительности отношений между участниками транзакции. Вообще говоря, любая девальвация оставляет множество людей в проигрыше. От неё страдают принципалы/реципиенты, символизанды, которые заплатили за символ по более высокому курсу, и другие эмитенты девальвируемого символа, если они существуют. Изобличение грозит обоим участникам транзакции санкциями со всех этих сторон. Сотрудничество между ними в этих условиях является вовсе не тривиальным достижением.

Системы сдержек, призванные ограничивать недобросовестное использование символов, представляют собой вариации на три основные темы. Их них первые две напрямую отсылают нас к условиям кооперации Аксельрода, а третья — к работам Остром. Все эти системы вступают в действие в тех случаях, когда решение о единичной эмиссии символа принимается несколькими индивидами. В терминологии Коулмэна, эмитент является корпоративным агентом [Coleman 1990], а в терминологии Гоффмана, он представляет собой курирующую группу [Goffman 1951]. Аксельрод указывает на то, что кооперация имеет шанс превратиться в доминирующую стратегию, если а) контрагенты обладают достаточной памятью; б) узнаваемостью; в) взаимодействие между ними имеет высокие шансы на повторение [Axelrod 1981; 1984].

А. Увеличение численности курирующей группы. Отношения обмена, особенно предполагающего некоторую степень доверия, основаны на личных отношениях. Такие отношения возможны только с ограниченным числом людей. Большие группы всегда анонимны. Это позволяет нам прийти к следующей гипотезе.

Гипотезе 6. *Увеличение численности состава группы, курирующей эксклюзивный символ, уменьшает вероятность того, что этот символ будет обменён или продан, и, соответственно, вероятность его девальвации.*

Два символа в этом смысле выделяются своей надёжностью: голосование в профессиональных ассоциациях и показатели цитирования. Проблема с ними, разумеется, состоит в том, что ими можно

измерить лишь соотношение сил среди небольшого числа и без того центральных фигур в дисциплине, но вовсе не между всеми и каждым²⁵.

Б. Дистанция и непредсказуемость взаимодействия между членами курирующей группы. Увеличение размера группы, однако, является не единственным средством разрушения кооперации. Принципы формирования её состава и внутренняя организация не менее (если не более) важны в этом отношении. Действительно, если немалая численность российских диссертационных советов (человек двадцать по сравнению, скажем, с тремя в англо-американских *dissertation committees*) и затрудняет торговлю степенями, а гигантские размеры собраний академиков — попадание в РАН крупных чиновников, то не слишком. Имеет значение постоянство взаимодействия внутри группы и наличие единых центров его координации.

Гипотеза 7. *Чем неустойчивее состав курирующей группы и нестабильнее связи между составляющими её индивидами, а также между ними и символизандами, тем менее вероятно, что курируемый ею символ будет продан или обменён.*

Нечто подобное имелось в виду изобретателями требования обязательного включения внешних участников в диссертационные советы и комитеты, внешних экспертов — в Государственные аттестационные комиссии, и имён внешних рецензентов — в академические издания. В ещё более радикальном претворении эта же идея стояла за так называемой гумбольдтовской реформой современных университетов Германии, запретившей инбридинг. Система мониторинга качества диссертаций, оставшаяся современной России в наследство от СССР, целиком основана на вере в силу социальной (и физической) дистанции: прошедший первичную процедуру текст отправляется в метрополию, слишком удалённую от большей части страны (и, вдобавок, слишком несистематичную и непредсказуемую в своей работе), чтобы имело смысл пытаться повлиять на её решения²⁶.

В. Мониторинг группой непосредственно заинтересованных. Остром пишет, что многие удачные решения «трагедии общинных земель» построены на делегировании обязанностей по мониторингу агентам, которые непосредственно заинтересованы в соблюдении правил объектом слежения [Ostrom 1990]. Обеспечить использование рыбаками установленной ширины ячеек сети проще всего, поделив море на участки и чередуя корабли, ловящие в них рыбу. Использование слишком мелкой сети командой предыдущего судна неизбежно отразится на улове следующего. Единственным способом, которым капитан, использующий «неправильную» сеть, сможет предотвратить предъявление публичных претензий, будет возвращение стоимости той части рыбы, которая досталась бы следующему судну, играй он по правилам. В таком случае для капитана первого судна не будет никакого преимущества в игре не по правилам. Некоторые из самых распространённых предохранителей в статусно-символических системах того же рода: они построены на создании курирующих групп из тех, кто одновременно

²⁵ Важно отметить, что символом, курируемым большой группой, в этих случаях является пост, занимаемый на основании результата голосования, или обобщённый показатель цитирования, а не отдельный голос или отдельное цитирование. Последние находятся под индивидуальным контролем, первые — нет. Вообще говоря, малое число ссылок может быть и куплено, несмотря на связанные с рефлексивностью издержки, но сделать то же самое в отношении нескольких десятков цитирований уже совершенно невероятно. Удивительно, тем не менее, что с момента появления индексов цитирования не произошло ни одного масштабного скандала, связанного с приобретением ссылок в статьях в реферируемых изданиях. Это поразительно, особенно в свете прямой экономической отдачи от подобной сделки [Tuckman and Leahey 1975] и скорости, с которой стали покупаться ссылки в блогах.

²⁶ В этом свете аспирантский фольклор о «феерическом бардаке в ВАКе» приобретает иной смысл: непредсказуемость в работе подобного ведомства отдаёт намеренной рандомизацией, исключающей сговор. Более эффективным, впрочем, было бы случайное распределение диссертаций по советам накануне защиты, которое полностью исключало бы соприкосновение диссертанта с комиссией до кануна дня Ч. Ещё более эффективным, хотя уже и совершенно нереализуемым практически, было бы случайное распределение членов самих советов.

является символизандами и эмитентами и поэтому — одновременно — сторонами, сильнее всего страдающими от девальвации и наиболее квалифицированными в её обнаружении. Правдоподобно, что столь типичные кооптации (например, выборы новых членов Академии другими академиками) берут своё начало именно здесь.

Заключение

Эта статья представляет собой серию предварительных замечаний, обозначающих возможное направление исследований. Она едва касается многих релевантных тем, а большую часть не затрагивает вовсе. Одна из таких тем, о которой добравшийся до заключения читатель, вероятно, уже неоднократно вспомнил, — это отношение символов академического статуса к тем атрибутам, которые они призваны обозначать. Интересной особенностью системы статусного символизма в науке является то, что она функционирует в отсутствие сколько-нибудь четкого и общепринятого определения свойств, подлежащих символизации. Что, например, призвана обозначать академическая степень? Потенциал? Квалификацию? Состоявшиеся достижения? И как получается, что в области типа социологии, населённой академическими племенами, не имеющими и тени согласия по поводу того, что может считаться должной квалификацией и достижением, кто какого положения достоин, временами удаётся добиться удивительной стабильности символов статуса?

Приведённые доводы призывают искать источник равновесия в символических системах в свойствах самих этих систем, не в их отношении с реальностью, что бы ни означало это слово. Хорошо организованная сеть символов способна удержать любой из своих узлов от девальвации. Однако сеть целиком эволюционирует в непредсказуемом направлении. Каждый следующий эмитент ориентируется на суждения, вынесенные предыдущим, добавляя от себя лишь незначительный импульс в развитие карьеры символизанда. Система социального символизма похожа на спиритическое приспособление, которым движения рук отдельных участников объединяются в общее перемещение, не контролируемое никем в отдельности и представляющее перед всеми как результат воздействия внешней силы. Эту силу участники, как правило, оптимистично принимают за голос разума. Тем не менее изучение академической истории недвусмысленно свидетельствует, что в каждый момент времени бо́льшая часть учёных вознаграждает себя и других за усилия в направлениях, которые затем будут отвергнуты как тупиковые. В некоторые эпохи система академического символизма точно отражала заслуги современников, какими они нам видятся из сегодняшнего дня. В другие времена она целиком погрязала в том, что нам сейчас кажется интеллектуальным недоразумением. Однако нет ни единой причины считать, что именно наш вердикт будет окончательным. Жизнь интеллектуальных репутаций не заканчивается с физической смертью их обладателя. Даже прервавшись, она может возобновиться усилиями потомков. Мёртвые ходят среди живых, а живые — среди мёртвых, и никто в точности не может сказать, кто из нас кто.

Благодарности

Соображения, изложенные в этой статье, впервые были озвучены в общении со многими людьми, и, как часто бывает в таких случаях, не всегда можно восстановить по памяти, кто заговорил об этом первым. Все нижеперечисленные поэтому являются законными соавторами всего вышесказанного, но в отличие от меня, не несут за него никакой ответственности. Беседы с Вадимом Волковым, Полом МакЛином и Марией Юдкевич были особенно полезны на разных этапах развития этих рассуждений. Участники обсуждения предыдущей статьи [Соколов 2008], организованного «Антропологическим форумом» (Владимир и Марина Волохонские, Владимир Гельман, Алексей Елфимов, Джейн Зависца, Елена Здравомыслова, Татьяна Зименкова, Сергей Соколовский, Андрей Стародубцев), предложили

множество интересных наблюдений, которые я широко использовал в данной работе. Я также многим обязан комментариям двух анонимных рецензентов журнала «Экономическая социология». Наконец, участники проекта «Петербургская социология после 1985 года: Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе», поддержанного Центром фундаментальных исследований ГУ ВШЭ, Тимур Бочаров, Катерина Губа, Мария Сафонова, Кирилл Титаев и Лев Шилев участвовали вместе со мной в сборе и анализе эмпирического материала, попыткой теоретизировать который является данная статья.

Литература

- Даймонд А. 2007 (1993). Поведение университетов и ученых: Экономическое объяснение. В сб.: Семенова М. (ред.) *Экономика Университета: Институты и Организации*. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ; 8–47.
- Зиммель Г. 1996 (1923). «Мода». В кн.: Зиммель Г. *Созерцание жизни*. Т. 2. М: Юрист: 266–292.
- ЛеГофф Ж. 1997 (1957). *Интеллектуалы в Средние века*. М.: Аллегро-Пресс.
- Соколов М. 2008. Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: Случай социологии. *Антропологический форум*: 9: 8–31.
- Akerlof G. A. 1970. The Market for Lemons: Quality Uncertainty and Market Mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*: 84 (3): 488–500.
- Arrow K. 1985. Informational Structure of the Firm. *The American Economic Review*. 75 (2): 303–307.
- Axelrod R. 1984. *The Evolution of Cooperation*. N. Y.: Basic Books.
- Axelrod R., Hamilton W. D. 1981. The Evolution of Cooperation. *Science*. 211(4489): 1390–1396.
- Blau, Peter M. 1977. A Macrosociological Theory of Social Structure. *American Journal of Sociology*. 83 (3): 26–54.
- Coleman J. 1990. *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Belknap Press.
- Douglas M. 1986. *How Institutions Think*. N. Y.: Syracuse University Press.
- Goffman E. 1951. Symbols of Class Status. *British Journal of Sociology*. 11: 294–304.
- Goffman E. 1959. *The Presentation of Self in Everyday Life*. N. Y.: Doubleday Anchor.
- Goffman E. 1967. Where the Action Is. In: Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. N. Y.: Doubleday Anchor; 149–270.
- Goffman E. 1969. *Strategic Interaction*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Goldthorpe J. 2000. Social Class and the Differentiation of Employment Contracts. In: Goldthorpe J. *On Sociology*. Oxford University Press.
- Hardin G. 1968. The Tragedy of the Commons. *Science*. 162 (3859): 1243–1248.

- Kollock P. 1998. Social Dilemmas: The Anatomy of Cooperation. *Annual Review of Sociology*. 24: 183–214.
- Ostrom E. 1990. *Governing the Commons*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ostrom E. 1997. A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action. *The American Political Science Review*. 92 (1): 1–22.
- Podolny J. M. 1993. A Status-Based Model of Market Competition. *The American Journal of Sociology*. 98 (4): 829–872.
- Podolny J. M. 2005. *Status Signals. A Sociological Study of Market Competition*. Princeton University Press.
- Raub W. 2004. Hostage Posting as a Mechanism of Trust. *Rationality and Society*. 16 (3): 316–395.
- Roley J. 2001. Silver Signals: Twenty Five Years of Screening and Signaling. *Journal of Economic Literature*. 39 (2): 432–478.
- Schelling Th. 1960. *The Strategy of Conflict*. Cambridge: Harvard University Press.
- Spence M. 1976. Informational Aspects of Market Structure: An Introduction. *The Quarterly Journal of Economics*. 90 (4): 591–597.
- Spence M. 1973. Job Market Signaling. *The Quarterly Journal of Economics*. 87 (3): 355–374.
- Spence M. 2002. Signaling in Retrospect and the Informational Structure of Markets. *The American Economic Review*. 92 (3): 434–459.
- Spurr St. 1970. *Academic Degree Structures: Innovative Approaches. Principles of Reforms in Degree Structures in the United States*. McGraw-Hill Book Company.
- Stewart D., Spille H. 1988. *Diploma Mills: Degrees of Fraud*. L.: Collier Macmillan Publishers.
- Stiglitz J. E. 2000. The Contributions of the Economics of Information to Twentieth Century Economics. *The Quarterly Journal of Economics*. 115 (4): 1441–1478.
- Tuckman H., Leahey J. 1975. What Is an Article Worth? *The Journal of Political Economy*. 83 (5): 951–968.